

К Р О К О Р Д И Л

К 556
14

Рис. К. Рогова

РЕДКОЕ ЕДИНОДУШИЕ

— Наконец-то большинство населения нашего города теперь в одном лагере: концентрационном.

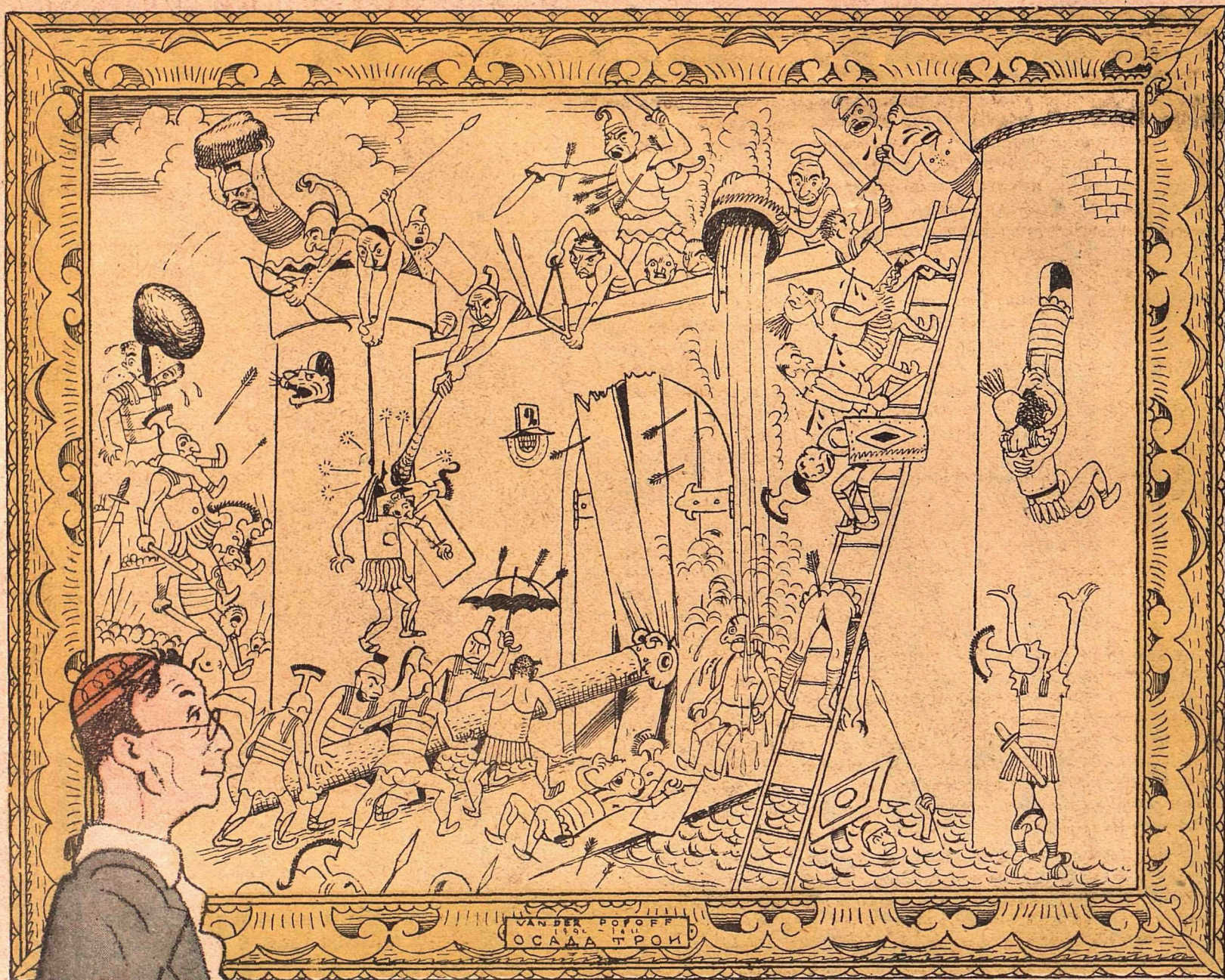

Рис. Ю. Ганфа

ОСВОЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА

- Картина эта, сынок, называется „Осада Трои“..
- Брось, папа, не надувай ребенка! Просто в'езд жильцов в новый кооперативный дом—и все.

ПАРАЗИТ

Литературный клуб помещался в особняке купцов Востряковых.

Это было замкнутое, но не очень почтенное учреждение. Клуб существовал на доходы от карточной игры. Однажды в год клуб баллотировал лиц, желающих стать действительными членами клуба. В картонные черные ящики клали белые — избирательные и черные — неизбирательные шары. Затем считали шары и объявляли результаты баллотировки. И наивные люди удивлялись тому, что в действительные члены клуба принят сотрудник бульварного листка, заведомый шантажист и шулер. Писателя обходили, блудливо поглядывая в сторону. К шулеру и шантажисту подходили и, поздравляя, жали руки. Через шесть месяцев все, от швейцара до маститого председателя клуба, звали его по имени, отчеству и нисколько не стеснялись первыми кланяться ему. Маститый председатель клуба стыдливо смотрел в его бега-

ющие выцветшие глазки и думал: «Ведь жулик, шантажист, просто гля, надо бы ему так и сказать. Господи, почему у меня нет мужества так прямо и сказать?»

Между тем каждую ночь в игорном зале за «золотым столом» сидел новый член литературного клуба — мужчина с жирным и бритым лицом и выцветшими бегающими глазками.

Тяжелый золотой портсигар лежал поверх пачки кредиток. На крышке портсигара был выгравирован рисунок, в точности изображающий бутылку шампанского французской марки «Мумм». Это означало, что представитель фирмы подарил портсигар нынешнему его владельцу за особые, специальные услуги.

Жирный господин был заслуженным фельетонистом газеты «Московский листок». Подарок он получил за то, что рекламировал в своих фельетонах марку шампанского «Мумм»

Кордон вер», кроме того, он сумел навязать это шампанское владельцам дорогих ресторанов. Они опасались пера этого господина. Итак, золотой портсигар, знак продажности его хозяина, лежал на виду на столе как вывеска фельетониста «Московского листка».

Он жил, существовал для того, чтобы обслуживать потребности своего тела: чтобы в два часа дня завтракать в дорогом ресторане «Эрмитаж», в семь часов обедать у Тестова, ночью ужинать у «Яра», затем после трех часов ночи удовлетворить свою похоть с кафешантанной певицей. Вряд ли где-нибудь он платил, и даже кафешантанная певица была с ним в связи только потому, что он обещал ей славу, обещал упомянуть ее имя в десятистрочной заметке о новой программе «Яра».

Утром он отдавал свое заплывшее жиром, холеное тело в руки массажиста из Цандеровского института. Вообще он заботился о своем здоровье. Один раз в году он уезжал за границу и шесть недель жил на немецком курорте, жил на самой строгой диете, вставал на закате, ложился на закате и полоскал желудок и кишечник горькими водами — и все это для того, чтобы остальную часть года пожирать устрицы, лангусты, трюфеля, острые рыбные супы «буй-ябес», раздражающие слюнные железы соуса и вливать в себя дюжинами бутылок дорогое французское шампанское.

Чтобы вести такую жизнь, нужно было много лгать, продаваться, пресмыкаться, льстить, угрожать, быть паразитом при богачах, восхвалять таланты их содержанок, рассказывать похабные истории — все это он делал, и так он жил. Он завел себе выезд, и город отделился от него толстым стеклом окошка его кареты (пешком он ходил только для моциона, на курорте). Он не читал ничего, кроме полицейской и театральной хроники, и не слушал ничего, кроме грязных сплетен; в конце концов, он разделился до того, что писал один—два фельетона в год, и печатное слово было для него только привилегией на сверхсытую праздную жизнь.

Однако он любил произносить речи на банкетах и юбилеях и, не краснея, произносил такие слова, как «независимое печатное слово», «шестая держава — пресса», «высокое звание».

Война застала его врасплох, — он ничего не знал о выстреле в Сараеве и едва не оказался одной из первых жертв войны. Он, родившийся в России и всегда живший в Москве, оказался австрийским подданным, и то, что было для него до некоторой степени предметом гордости, причинило ему много хлопот. Его едва не выслали в Сибирь как подданного враждебной России державы, и вдруг не оказалось ни одного человека, который бы заступился за него, — он едва мог откупиться от ареста и высылки из столицы.

Но теперь он стал подданным Российской империи. Москва, война, народ — все это попрежнему было отделено от него толстым стеклом кареты, и даже в ту февральскую ночь, когда миллионный город и страна прислушивались к пулеметной стрельбе на петроградских улицах, он, зычно покрикивая, лениво волока ноги, прошел мимо пустых столов в игорную комнату, бросил на стол пачку кредиток и придавил ее золотым портсигаром с бутылкой шампанского на крышке.

И когда он поднял глаза, то увидел себя одиноким за пустым игорным столом, и эта непривычная тишина и одиночество вдруг устарили его.

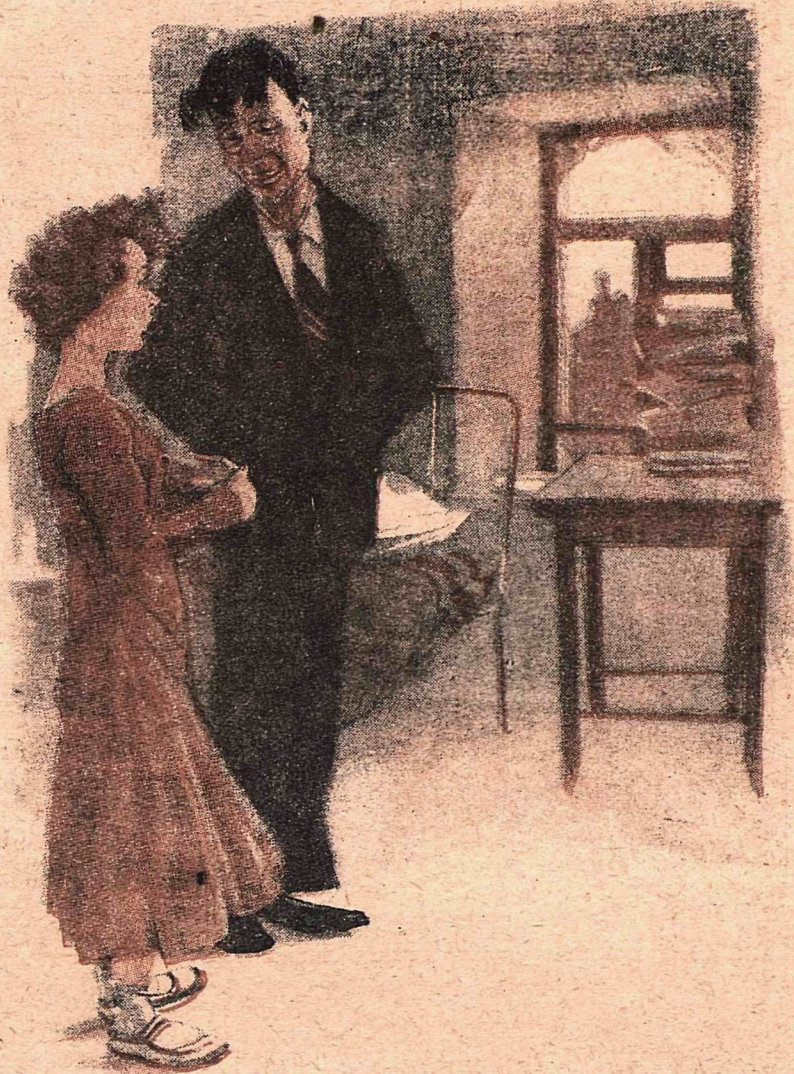
Может быть, впервые он подумал о будущем, увидел свою судьбу. И в том, что и это жирное и холеное тело, привыкшее к шелковому белью и пуховой постели, бросили на голые доски нар, и в том, что этого избалованного праздностью человека заставили грузить каменный уголь, — во всем этом было справедливое возмездие. Смерть от тифа, в конце концов, стерла его имя из списков заключенных, и время стерло память о нем, паразите подлого и обреченного строя.

Умри он на три года раньше, продажные перья отметили бы его смерть некрологом и, нисколько не стыдясь, написали бы: «Умер рыцарь пера». Он пережил буржуазную печать всего на три года, она перестала существовать, но о ней и ее «рыцарях» полезно напомнить читателю.

Л. НИКУЛИН

НАИПРОСТЕЙШИЙ СПОСОБ

Рис. А. Топикова

— Куда же, дорогой, мы поставим мебель?
— А вот я сотру пыль со стен, и комната увеличится!..

МУЗЫКАФИКАЦИЯ

Еще года четыре назад оркестры встречались только в филармониях, клубах, театрах и ресторанах, торгующих «до 3 утра». Потом совершенно неожиданно число оркестров начало катастрофически увеличиваться, оркестры плодились как сельди и захватывали все торговые точки, где в углу можно поставить два стула (баян и скрипка). Даже отдельные «мясо-зеленные» обзаводились собственным оркестром в составе 2—3 человек.

Оркестр сидел у кафельной стенки под плакатами, изображающими разрезанную тушу, и наигрывал «Светит месяц». Приказчики сперва подтанцовывали, но затем начали мало-помалу шалеть от этого постоянного накачивания музыкой.

Но настоящим стихийным бедствием было введение в магазинах электропатефонов. Шалели не только продавцы, но и покупатели.

— Дайте мне подсолнечного масла!.. — кричал покупатель.

А из-за спины продавца неслось в ответ: «Вы мне писали, не отпирайтесь!»

— Ничего я не писал! Дайте мне подсолнечного масла! — возмущался покупатель.

Оглушенный продавец совал вместо масла горчицу.

Лавина звуков надвигалась на город. Радиомонтажники ревели уже повсюду на улицах. Каждое кино считало своим долгом устроить над подворотней сточную трубу для звуков. Из трубы неслись то выстрелы, то дребезжание, то крики. Дворники сперва тревожно выбегали к воротам. Но потом поняли, в чем дело, и махнули рукой.

А надних в музыкафицированном учреждении посетители и слушающие услышали, наконец, обещающий голос из угла:

— Тишина!

Все обрадовались. Но тотчас разочаровались. Голос из угла продолжал:

— Тишина! На деревьях не дрогнет листва...

И т. д., и т. д., и т. д.

Музыкафикация продолжалась.

В. ТОБОЛЯКОВ

Рис. Л. Бродаты

ЛЕВ: — Интересно, что сделать с этим зверем: сразу его съесть или сначала взять под протекторат?

„ФРАНСУА“

ЗОЛОТАЯ ГРАМОТА

Со времени библейского царя Соломона, профессионально занимавшегося мудростью, редко кто так пышно и ярко проявлял это качество, как шадринские горсоветчики.

Шадринск — небольшой город Челябинской области. Но и в небольшом городе могут существовать большие безобразия.

Среди них почетное место занимают очереди у хлебных лавок.

Горсовет решил бороться с ними. Наипростейшим способом. И с чисто соломоновой выдержкой решил снабдить всех горсоветчиков следующей золотой грамотой:

Всем продавцам города
торгующим в хлебных магазинах.

Шадринский Горсовет ставит вас
в известность, что членом горсовета
вы являетесь, и вам следует
при покупке хлеба и других
продуктов горсовета, хлеб и т.п. брать
очередь.

Горсовет.

(Дегтярев).

(Signature)

(Исъянцев).

Теперь количество стоящих в очереди уменьшилось ровно на количество членов горсовета, плюс, наверное, еще кое-кого из добрых друзей и знакомых.

— А при чем здесь мудрость? — спросит удивленный читатель. — Наоборот — чистой воды глупость.

И читатель будет прав. Спорить с ним не станем.

Трамваи в те дни не ходили по Москве, улицы полны были сугробов, дома отапливались железными печками.

Федор Иванович являлся в парикмахерскую аккуратно к восьми часам, принимался пилить дрова и разжигать чугунок. Из труб капала жирная грязь. Клиенты, развлекаясь в ожидании мастера, расписывались на запотевших зеркалах, либо приводили в движение вертящиеся американские кресла из кожи и металла.

— Сашка, воду! Мальчик, прибор! — покрикивал Федор Иванович и поглядывал на своего тринадцатилетнего ученика с такой яростью, точно готов был тут же растоптать его.

Поспевала вода, и Федор Иванович брался за инструменты.

Вывеска все еще сохранялась прежняя — «Франсуа», но прежними были только кресла и зеркала: из четырнадцати мастеров остался только один, да и тот работал уже не в белом медицинском халате, а в старой, крепко продавшей нафталином шубе, в разбитых валенках и в перчатках рыжей шерсти с обрезанными кончиками пальцев.

К полудню парикмахерская пустела. Федор Иванович и Сашка пристраивались поближе к раскаленному чугунку, пили чай. Мастер, согревшись, предавался воспоминаниям:

— Бывало, зовут к его сиятельству. Граф Татищев. У них особняк был в Замоскворечье, на Новокузнецкой улице. Ну, конечно, устроишься внизу, у садовника. Этот свои дела кончит, водку жрет. А наверху бал, наверху музыка, агош направо, агош налево. Ну, конечно, хлопну и я стаканчик, а больше воздерживаюсь. Прически от мазурки приходили в нарушение, господа спускались ко мне: «Теодор, поправь», и я как таковой подправлял щипчиками кому локон, кому волну...

Сашка слушал рассеянно, а Федор Иванович все говорил и говорил, вспоминая своих прежних постоянных клиентов: гласного думы Симонова, представительного мужчину в синем армяке и с бородой; коннозаводчика и председателя кредитного общества Павлова Сергея Дмитриевича: совсем шустрый был человек, а капиталы имел большие. Бывало, скажет: «Чтоб я тебя не чувствовал! Чтоб ни прикосновения, ни дыхания твоего! Понял?» И Федор Иванович замирал, дух затаивал. А господин Окромчеделов? Этот после бритья непременно щелчка в нос давал и говорил: «Молодец!» Кони у него ходили серебром подкованные, потому что господин Окромчеделов — красавец — женился на Сазиковой, миллионерше и домовладелице.

— Вот господа были! На чай зелененькую давали, раз плюнуть...

С появлением нового посетителя сладкие воспоминания прекращались и восстанавливалась нарушенная иерархия взаимоотношений между мастером и учеником.

— Мальчик, прибор! — кричал Федор Иванович, и если Сашка за-

паздывал хоть на секунду, ухо у него полчаса пылало от мгновенного и острого прикосновения, подобного укусу разъяренной пчелы.

И вот однажды пришел в парикмахерскую человек в обмотках и солдатской шинели, спросил:

— Бобриком можете?

Федор Иванович работал долго и с удовольствием, раз пять ушипнул Сашку, и тот ходил с раскаленным ухом и заплаканными глазами. Из разговора с солдатиком Федор Иванович вскоре выяснил, что это не простой рядовой, а командующий корпусом, и устроил старания. Клиент остался как будто доволен. Рассматривая себя в зеркале, он спросил:

— На чай еще дают вам?

— Да-а как сказать... Несознательные — те, конечно, не дают.

— А почему...— клиент расплатился и на чай дал.— Почему вы мальчишку обижаете?— вдруг сердито спросил он и, не ожидая ответа, приказал Сашке немедленно собраться, идти с ним.

Больше Федор Иванович Сашки не видел.

Парикмахерская десятки раз меняла свой облик. Опять появились куклы в витринах, восковые красавицы в пышных прическах, великолепные мужчины на картинках, мужчины с холеными бородами. Вывеску «Франсуа» сняли, и вместо нее одно время значилось «Художник», потом — «Коммунар», потом — «Парикмахерская Краснопресненского райсовета», а потом не стало никакой вывески, потому что на ней пришлось бы писать грубые, лишённые всякого поэтического звучания слова «Парикмахерская № 20 Банно-прачечного треста». Федор Иванович начисто облысел, и врачи констатировали у него профессиональную болезнь: вздутые вен на ногах. Но он был все еще молодцом, и когда приходилось писать или говорить о себе, выражался с достоинством:

— Я как таковой являюсь старшим мастером-куафером.

В жаркий летний день в кресло к нему сел клиент, с которым он провозился больше часа. Не было операции в парикмахерском искусстве, от которой клиент отказался бы.

Клиента интересовало, много ли теперь людей с бородами. Федор Иванович объяснил, что мало, и философски обосновал причину:

— Какая же теперь может быть борода? Она как таковая требует большой работы. Много времени требует, чтобы держать в соответствии. Виноват, не беспокоит?

Клиент спросил, как теперь готовят кадры.

— Конечно, в школах. Для передачи опыта, имейте в виду, мало быть хорошим мастером, надо быть и хорошим педагогом. Какая раньше учеба была? По морде, извиняюсь, да за ухо...

— А на чай вам дают?

— Бывает, иной несознательный разыграет из себя барина... Нет, я скажу про себя как такового. Скажем, зовут в какое-нибудь посольство. Хорошо платят. Так, знаете, теперь не могу ходить, стараюсь отделаться. За человека не считают... Можно компресс?

Поднявшись, наконец, с кресла, клиент с удовольствием осмотрел свое помолодевшее лицо с седыми височками и сказал:

— А мы с вами... Виноват, как ваше имя и отчество? Мы с вами, Федор Иванович, уже знакомы.

Федор Иванович почтительно смотрел на клиента, на военный его китель с ромбами в петлицах.

— Помните, я еще у вас мальчишка увел, ученика...

— Попрежнему, значит, по военной части? — спросил Федор Иванович.

Клиент подтвердил, улыбаясь. Да, он командует одним из военных округов на юге. Не хочет ли Федор Иванович узнать, как поживает его бывший ученик Сашка, Александр Петрович Решетников?

И расставаясь с мастером, смеясь и пожимая ему руку, клиент рассказал о судьбе Сашки.

Решетников Александр Петрович, бывший ученик Сашка, — теперь один из лучших летчиков-инструкторов в Севастополе. Историю его можно считать обыкновенной историей молодого человека нашей страны, слишком хорошо всем известной и слишком часто повторяющейся, чтобы надо было рассказывать о ней.

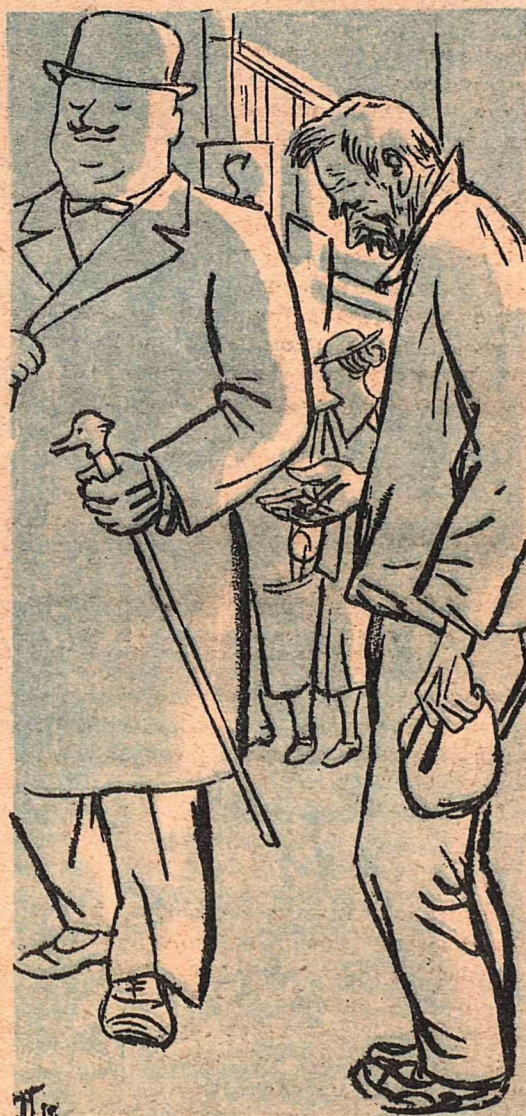
А. ЭРЛИХ

ДВЕ ТЕХНИКИ—ДВА ПРИЕМА

Рис. Л. Генча

В СССР обеспечивают старость таким образом...

... А в капиталистических странах — таким образом.

ЗАКОННАЯ ЗАВИСТЬ

(К конкурсу на продолжительную голодовку в Нью-Йорке)

Рис. Фреда Эллиса

— Вот счастливый! Голодает не больше нашего, а получает деньги и имеет бесплатное помещение!..

Пять лет назад американский художник Фред Эллис — коммунист, в прошлом рабочий — стал работать в нашей печати. В июле этого года тов. Фреду Эллису исполнилось пятьдесят лет. По внешности тов. Эллиса этого определить нельзя. И по рисункам тов. Эллиса этого определить нельзя. Искусство художника Эллиса так же молодо, как и его внешность. Более того: оно молодо, как наша страна, как наша новая жизнь, за которую агитируют все без исключения рисунки тов. Эллиса.

Правда, надо сказать, что в своей агитации Фред Эллис пользуется главным образом методом доказательства от противного. И — простите за дурную игру слов — рисунки Эллиса наглядно показывают, что капитализм — вещь очень противная. В своей ненависти к буржуазному мироустройству Фред Эллис оставляет за собой многих советских карикатуристов. Да оно и понятно. За семнадцать лет революции наши художники отвыкли от лицемерия всех прелестей строя „священной частной собственности“. А иные и просто не помнят прошлого по случаю собственной молодости.

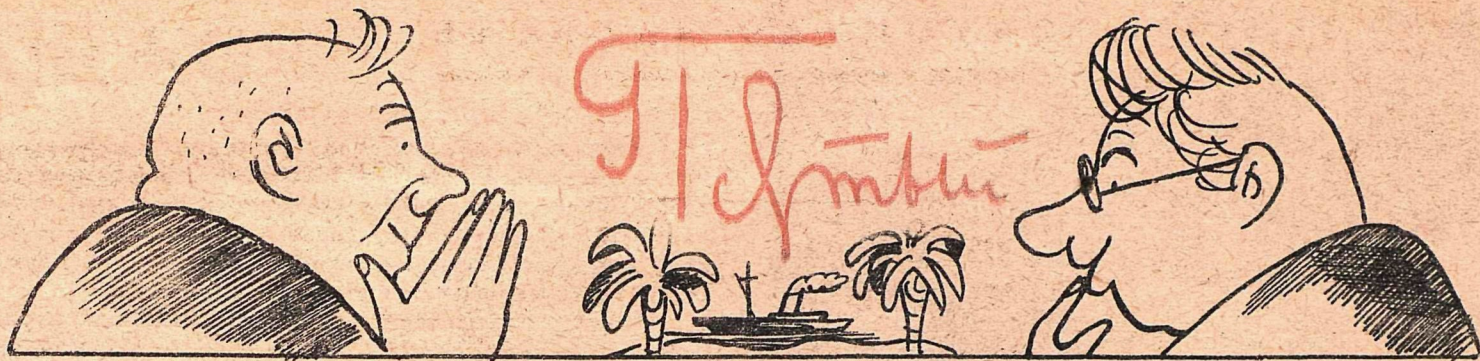
Не так обстоит дело со зрелым американским пролетарием, тов. Эллисом. Он чересчур много и чересчур долго воочию наблюдал мир Морганов и безработных, преуспевающих бандитов и голодающих фермеров, владельцев небоскребов и бездомных бродяг. Тов. Эллис не только отчетливо представляет себе общий контур фигуры эксплуататора. Он помнит еще множество поз, ужимок, выражений лица, повадок классового врага и его многочисленной и разнообразной прислуги. Помнит и с редкой выразительностью передает в своих рисунках.

Для нашего читателя тов. Эллис — как бы экскурсовод по музею, в котором выставлены типичные фигуры разлагающегося капитализма. Экскурсовод свой, советский, хорошо подкованный и революционной теорией и собственной практикой трудящегося.

А фигуры из музея Эллиса необыкновенно убедительны. Они кажутся даже трехмерными благодаря своеобразной манере художника. Эллис — отличный рисовальщик, и все преувеличения, весь гротеск его карикатур построены на академическом знании натуры — людей и пейзажа. Его тушь или мягкий карандаш, где сгущаясь в глубокую тень, где чуть задевая бумагу, дают полное впечатление пространства, материи, перспективы. К тому же персонажи рисунков Эллиса живы не только в анатомическом смысле, а — как мы уже говорили — и в социальном смысле.

Наша страна приняла Фреда Эллиса. Она принимает и его искусство, выразительное и целеустремленное. И мы, советские сатирики, считаем, что нашего полку прибыло.

Советский карикатурист Фред Эллис справляет 50-летие своей жизни и 5-летие работы в СССР. Шлем привет товарищу Эллису!

В один прекрасный день в учреждении узнали, что должны быть получены пять путевок в какой-то неслышанно хороший дом отдыха, где кормят восемнадцать раз на день, потом еще ночью будят и чем-то кормят. И тут же стало ясно, что рассчитывать на эти путевки могут лучшие ударники: товарищи Тяпчев, Фокина, Ноздрихин, Масловский и Худошавых.

На заседании месткома, через десять дней после того как узнали о путевках, председатель сказал:

— Товарищи, не расходитесь! У нас еще вопрос о путевках в этот... ну, в райский дом отдыха (тут послышался смех). Мы предполагали послать товарищей Тяпчева, Фокину, Ноздрихина, Масловского и Худошавых...

— Правильно! — отозвалось с мест несколько голосов.

— Правильно-то, правильно, — почесал себе шею председатель, — да вот в чем штука: нам прислали всего четыре путевки. Говорят, больше никак выжать нельзя. Уж очень большой спрос на этот дом отдыха. Так вот, что нам делать?

— Сократить список до четырех! — бодро отозвался чей-то голос с места.

— Спасибо, что рассудил! — иронически поклонился председатель. — Это мы и без тебя знаем. А ты лучше скажи: кого выкинуть из списка? Ведь все пятеро — ударники на-я, общественники, отличники... ну, да чего говорить!..

— Масловского можно бы вычеркнуть, — неуверенно сказал кто-то.

— Почему Масловского?

— А может, Мусю Фокину не посылать?

— Почему Фокину?

И все-замаялись.

— Дайте я скажу! — заявил вдруг секретарь месткома, большой дипломат и согласовыватель по натуре. — По-моему, мы должны обратиться с просьбой к товарищу Ноздрихину, чтобы он отказался от путевки. Товарищ Ноздрихин, как мы все его знаем... Ноздрихин, где ты?

— Здесь, — неохотно отозвался Ноздрихин.

— Понимаешь, Ноздрихин, ты как общественник видишь, какое создается положение. И вот мы тебя просим... Тем более, ты в прошлом году был в Сочи, на Ривьере?

— Был...

— Ну вот видишь. Откажись, облегчи нам задачу. А мы тебя за это еще чем-нибудь премируем: там радио или патефоном... А, Ноздрихин?

Ноздрихин пожегил и сказал:

— Что ж делать? Раз иначе не выходит, я, тово... отказываюсь...

Все облегченно вздохнули и бросились благодарить сознательного Ноздрихина.

На другой день к Ноздрихину подошел товарищ по делу и весело заорал:

— Вас ли я вижу, гражданин хороший? А я думал, вы уже, тово, моете телеса в Черном море! — и, переменяв тон, он алчно добавил: — Когда едешь, чорт паршивый?

— Никуда я не еду, — отозвался Ноздрихин.

— Как так?! А дом отдыха??!! Новый, замечательный???!!!

— Не еду, — сказал Ноздрихин и вдруг почувствовал, что объяснить сослуживцу происшедшее вчера на заседании будет грудновато. Но все-таки он попытался: — Понимаешь, вышло так, что прислали всего четыре путевки, вот меня и попросили, чтобы я...

И так далее.

Сослуживец сразу скроил недоверчивое лицо, все выслу-

шал и, пожевав губами, молча отошел. А Ноздрихин вдруг покраснел и отвернулся.

А едва он отвернулся, завистливый сослуживец с плохо скрываемой радостью и нескрываемым интересом зашептал двум другим сослуживцам:

— Слыхали? Ноздрихин-то! Уже не едет в этот замечательный дом отдыха!

— Не может быть?! — захлебнулись другие сослуживцы. — Почему?!

— Не дали путевку. Видно, что-то есть.

— Есть! Что-то есть!

Часа через три после разговора с первым сослуживцем Ноздрихин проходил мимо группы работников, посреди которой ораторствовал лично ему незнакомый сотрудник планового отдела.

— И понимаете, — говорил сотрудник планового отдела, — совсем уже хотели дать, вдруг кто-то надоумил посмотреть. Нда... Развернули — смотрят...

И сотрудник планового отдела широко развел руками перед носами — своим собственным и слушателей — и испуганно выпучил глаза.

— Кхе... куда это вы, товарищ Ноздрихин? — преувеличенно громко спросил один из слушателей, и все разбежались.

А еще через час во всех отделах и секторах учреждения добротные старатели бубнили:

— Ну, совсем-совсем уж хотели, а кто-то и говорит: «Давайте, товарищи, на всякий случай...» Развернули — смотрят...

— Ай-яй-яй!..

— Но что же, что?!

— Мало ли что...

— Ай-яй-яй!..

А в другом этаже или даже в другом углу той же комнаты слышалось:

— Развернули — смотрят... Ну нет, говорят, пусть подождет с путевкой...

И еще где-то:

— Развернули — смотрят...

— Да что развернули?!

— Хе-хе... наивный человек!..

— Да я же был на заседании!!

— Тем более, хе-хе-хе!..

... К концу третьего дня, когда Ноздрихин стал ощущать вокруг себя некоторую даже пустоту, к его столу подошел секретарь месткома — дипломат и согласовыватель. Секретарь был весь потный и даже отчасти грязный, но веселый. Он сразмаху плюхнулся на ноздрихинский стол, опрокинул пузырек с клеем на кипу ведомостей, раздавил бутерброд со шпротой. — ноздрихинский завтрак — и, не замечая всего этого, прокричал:

— Ну, старый пес, благодари меня: вырвал я у них пятую — твою — путевку. Поедешь теперь с остальной четверкой. Благодарю!

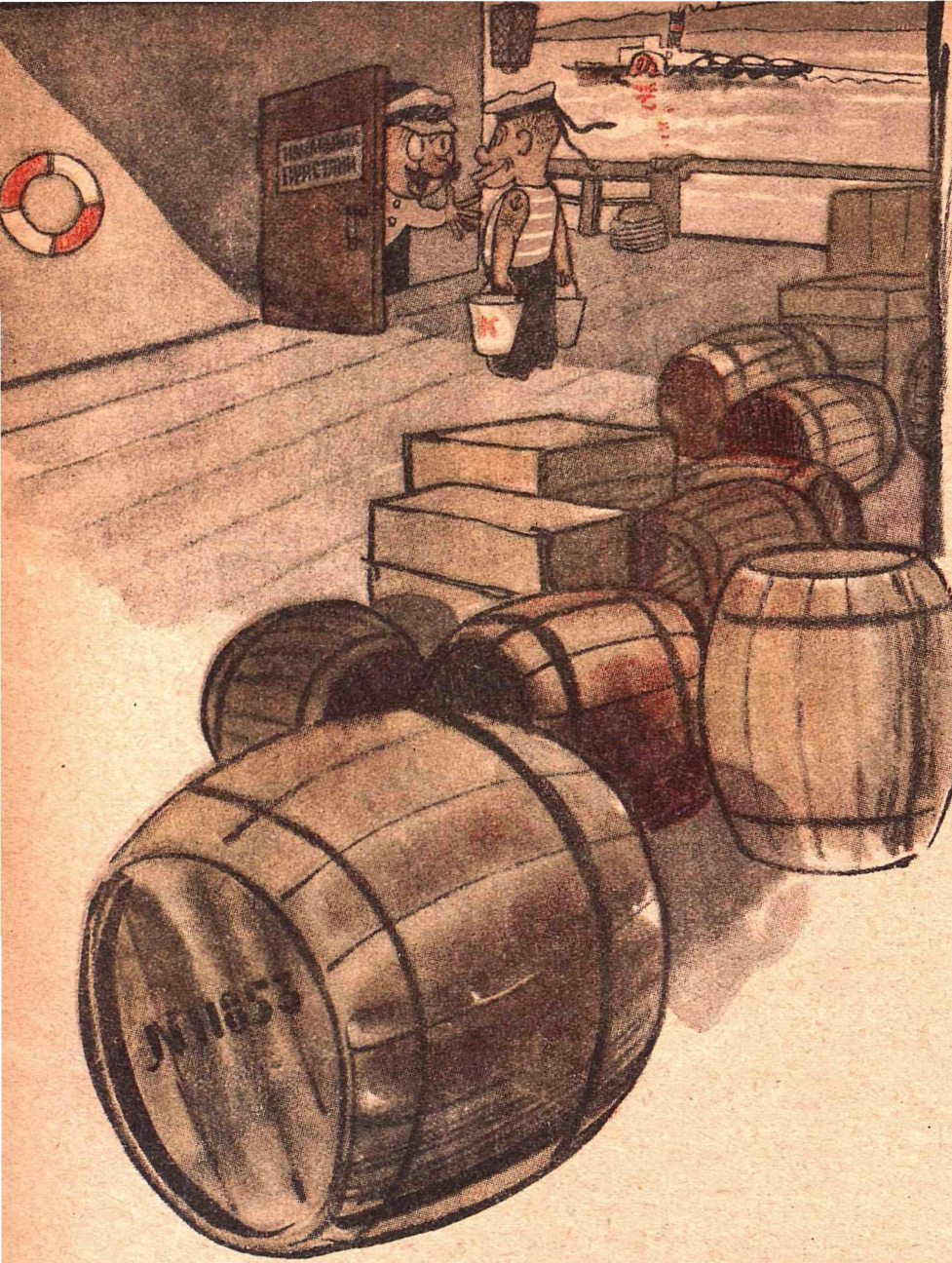
Не успел Ноздрихин как следует усвоить, в чем дело, как завистливый сослуживец уже жал ему руку, приговаривая:

— Вот завидую, так завидую! Помоешь теперь телеса в Черном море...

А за завистливым сослуживцем стояла уже очередь других сослуживцев, и незнакомый лично сотрудник планового отдела, зайдя с тыла, журчал:

— Да вам чемодан не понадобится? А то у меня есть, могу одолжить... Так сказать, всеми фибрами души — все фибры чемодана, хе-хе...

В. АРДОВ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Рис. М. Храпковского

— Вася! Выдь на Волгу и послушай, чей стон раздается?

— Известно, чей: пассажирский! Опять в буфете паршиво кормят!

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

До сих пор факторами быстрого прибавления в весе любого животного существа полагались усиленное питание, благоприятная внешняя среда и, в патологических случаях, нарушенный обмен веществ.

Мы счастливы внести в железный инвентарь естественных наук обнаруженный нами наднях новый чрезвычайно эффективный и мощный фактор увеличения веса животных. Речь идет о безграмотной и безудержно врущей торгашеской рекламе.

В первых числах июля из Гамбурга привезли в СССР трехлетнего индийского слона «Рангу» весом в 850 килограммов. Его отправили в Смоленский зверинец ГОМЭЦ. И что же? За несколько дней следования в пути он прибавил в весе не более и не менее как на 2150 килограммов.

Не верите? Самы не верили, пока не прочитали в смоленской газете «Рабочий путь» объявление:

ГОСЗВЕРИНЕЦ | ОТКРЫТ С 8 ЧАС. УТРА
ДО 10 ВЕЧ.

Впервые в г. Смоленске ТОЛЬКО 10 ДНЕЙ
ПРИБЫЛ из Гамбургского зоопарка (Германия) и демонстрируется

ИНДИЙСКИЙ СЛОН ВЕЛИКАН

весом в 3000 килло.

ДИРЕКЦИЯ

С нетерпением ждем от дирекции Смоленского госзверинца подробностей этого небывалого случая.

Популярный Зиновий Бедакин уехал с дачи с шестичасовым поездом. После него остались семь окурков на рездовой клумбе, тревожное настроение и рукопись нового романа. Рукопись лежала на садовой скамейке, белая и вспухшая, как утопленник, выкинутый на берег в лунную ночь. Было в ней что-то интригующее и страшное.

Редактор Кудыковский осторожно вытащил окурки, еще осторожнее взял рукопись и понес ее читать в маленькую комнатку под крышей.

— Может, тебе туда чаю дать? — соболезнующе спросила жена.

— Не надо чая, — безнадежно вздохнул Кудыковский. — Чай здесь не при чем.

Таким тоном отказывается от дорожного бутерброда человек, идущий с перочинным ножом на старого тигра.

Через полчаса из-под крыши послышались мягкие стонущие звуки. Так стонут голуби на солнце и завхозы в бане, когда им растирают спину.

— Тяжело? — сочувственно спросила жена, заглядывая в комнату.

— Нет, — сердито ответил Кудыковский, — легко. Как ершу в мармеладе. Ты только послушай.

Он с ненавистью вытянул лист из рукописи и едко прошипел:

— На. Любуйся. Посмотри, каким стилем пишет популярный Зиновий Бедакин. Вот его герой в третьей главе идет по полю. Слушай: «Игнатий задрюкал по меже. Кругом карагачило. Сунявые жаворонки пидрукали в зукаме. Хабындряли гуки. Лопыдряли суки. Вдали мельтепело». Понятно?

— Нет, — уклончиво ответила жена. — Я рязанская. Может, вологодские так говорят.

— Вологодские отпираются. Напекают, что это псковский диалект.

— А псковские что?

— Говорят, что это новочеркасский язык.

— А ты Бедакина-то пробовал убедить?

— Пробовал. Обижается. Я, говорит, не для того популярным стал, чтобы мой стиль калечили. Жаловаться даже хочет. Пушкина, говорит, до дуэли довели, Толстой из дому ушел, а теперь из меня стиль вынимают.

— Ну, верни роман, — необоснованно предложила жена.

— Куда там. Две части издали, а третью вернем? Роман же интересный же, пойми ты это... О, господи, хоть бы он четвертую часть русским языком написал бы!.. Вот ты послушай... Героиня у него есть. Зоя Проклятых. Ну, черт с ней, пусть уж так называется, если нежнее фамилии не нашел. Вот как она страдает: «Зоя пурашилась. В голове у нее симарунило. В ушах пляпали будрыки. Еще минута и она бы горько встрапнула». Это же не девушка, а каменоломня из сна пьяного дворника. Завтра поеду к Бедакину, — может, сжалится...

Разговор с Бедакиным был короток и почти безнадежен.

— Не могу, дорогой, — категорически сказал он Кудыковскому, — язык мой, сам его создал и чужим ломать не позволю. Как думаю, так и пишу.

— Может быть, вы по-русски думать будете, — уныло предложил Кудыковский, — раз уж на русском языке роман пишете?

— Типичный великодержавный шовинизм, — сухо остановил его Бедакин. — Так нельзя. Меня по всему Союзу читают.

— У вас вот сказано, что ваш Игнатий задрюкал по меже. Почти непонятно неподготовленному читателю. Может, это на четвереньках человек ползет, а может, на флейте играет. Нельзя ли другое слово?

— Можно. Запишите: курлонил.

— А это что такое, собственно?

— То же что: фудыркнул. Живой, напоенный образом глагол.

— Жаль, что напоенный. Не поили бы вы их лучше, эти глаголы, — вздохнул Кудыковский. — И вот еще героиня

у вас пурашится. Это что-нибудь физическое или внутреннее. В голове у нее ситарунит, а сама она пурашится. Некоторые не поймут.

— Вставьте так, — миролюбиво предложил Бедакин. — Зоя хапурилась, как душатая. Ясно теперь?

— Уже яснее, — горько пожевал губами Кудыковский. — Может, разрешите кое-какие слова самому перевести с вашего на общепонятный? Сами понимаете: читательская масса. Не все подготовлены к восприятию самобытных образов. Отсталость. След проклятого прошлого.

— Переводите, — строго согласился Бедакин, — но с соблюдением стиля.

— Да уж не без этого, — обрадовался Кудыковский. — Я даже со словарчиком. На базе точной науки, так сказать. Будьте спокойны, Зиновий Гаврилович.

Поздно вечером Кудыковский вернулся к себе на дачу вдвоем. Впереди шел он, а сзади мальчишка, который нес с вокзала охапку толковых словарей русского языка. Не снимая кепки и на ходу закусывая холодной бараниной, схваченной на террасе, Кудыковский сел за рукопись романа.

— Так, так, — радостно шептал он через полчаса, роясь в рукописях и в словарях, — дрюкать... На «Д»... Драпать... Дробить... Дрюкать... «Дрюкать — скакать на левой ноге. Костромское выражение». Так. Теперь на «К». «Карагачить... Кабкать... Калпить... Карагачить... Ловить рыбу руками. Из архангельских сказок». Так... Посмотрим теперь, что героиня делает... В ушах пляпали будрыки... «Пляпать — сверлить стену»... «Будрыка, множ. будрыки — донское название молодых медведей...» Ну-с, теперь дальше...

Через два месяца Зиновию Бедакину принесли корректуру третьей части его нового романа — трилогии «Угодья и половодья». Сверху была пришпилена записочка Кудыковского:

«Что мог — исправил. Работал по словарям. Если что не так — измените. К.»

Бедакин начал читать прямо с третьей главы. Карандаш медленно падал у него из рук.

«Игнатий, — прочел Бедакин, — прыгал на одной ноге по меже и ловил рыбу. Небогатые жаворонки запрягали лошадей и били сапогами простоквашу. Свистели колеса. Вбивали гвозди суки. Вдали было весело.»

Еще более странные строки, родившиеся при помощи толковых словарей и его языка, мелькнули перед Бедакиным в следующей главе.

«Зоя рыла землю. В голове у нее шел снег и молодой медведь сверлил стену. В ушах танцовали холодные бани. Еще минута — и она бы пошла дождем.»

Бедакин растерянно оглянулся, убедился, что в комнате никого нет, и быстро зачеркнул обе фразы.

«Игнатий шел по меже, — торопливо вписывал он, — и вокруг него пели жаворонки. Вдали пахло сеном...» Здесь так сделаем. «Зоя страдала. В ушах у нее шумело, и перед глазами плыли круги...» Пойдем дальше...

«Иван Петрович малапурил...» Не стоит... «Иван Петрович курил» — это будет лучше... «Даль стырчевела...» Не надо. «Даль синела». Так будет красивее...

Еще через два месяца роман «Угодья и половодья» появился в печати.

— Не понимаю тебя, — сказала жена Кудыковскому, прочтя роман, — хороший роман. Что ты злился? И очень простой, понятный язык. Что ты от него хочешь?

— Теперь решительно ничего, — хитро ухмыльнулся Кудыковский. — Прекрасный писатель! Кстати, Вера, вели выкинуть эти словари, которые я купил. Кажется, мне они больше не понадобятся.

АРК. БУХОВ

В июльский душный полдень гражданин в украинской рубашке с расстегнутым вышитым воротом стоял на углу около мороженщика и ел повинку — «эскимосо-пай».

— Что ни говорите, — говорил едок, — а все-таки зима лучше. Куда-а лучше... Этот снежок, этот ледок!..

— «Снежок», «ледок!» — недовольно повторил мороженщик. — Во-первых, снежок, ледок у меня и сейчас имеется, а во-вторых, летом всякая тварь оживает... А потом и мороженым зимой никакой торговли...

— Дорогой мой, — сказал с возмущением едок, — нельзя же все со своего шестка судить!.. Мороженым не торгуют — и за это презирать нашу русскую красавицу-зиму?! Да это же вандализм какой-то!.. Надо шире чувствовать... Снежок, ледок... Спокойствие... А летом пыль да выговоры...

— Какие выговоры? — удивился мороженщик.

— А такие... То пароход на мель наскочил, то пустым с пристани ушел. Нет, вы поруководите каким-нибудь пароходом, так проклянете это лето...

ЛЮЛКА

Открытое окно пятого этажа. Муж разбросал на столе принесенное добро и хвастался:

— Этот отрез по хорошему знакомству втридешево... Костюм Сергей Иванович устроил...

— Тсс... — сказала жена.

— А что? Ведь соседи на даче?

— На даче.

— Ну, кого ж тогда стесняться на пятом этаже? Премию договорился, чтоб мне выписали. И еще за одну консультацию... Конечно, это, мягко выражаясь, воровство священной...

Жена уцепилась консультанта. В окно смотрел и слушал маляр в люльке. Консультант на цыпочках подошел к окну, закрыл и прошептал:

— Ой, этот ребенок в люльке!.. Если б мы только отделались испугом... А то погиб же Тарас Бульба из-за люльки... И все ты... Кругом такие сквозняки, сквозняки, сквозняки, а она нараспашку окна держит!..

В. Т.

ВПОЛНЕ ПОНЯТНО

Рис. Л. Сойфертиса

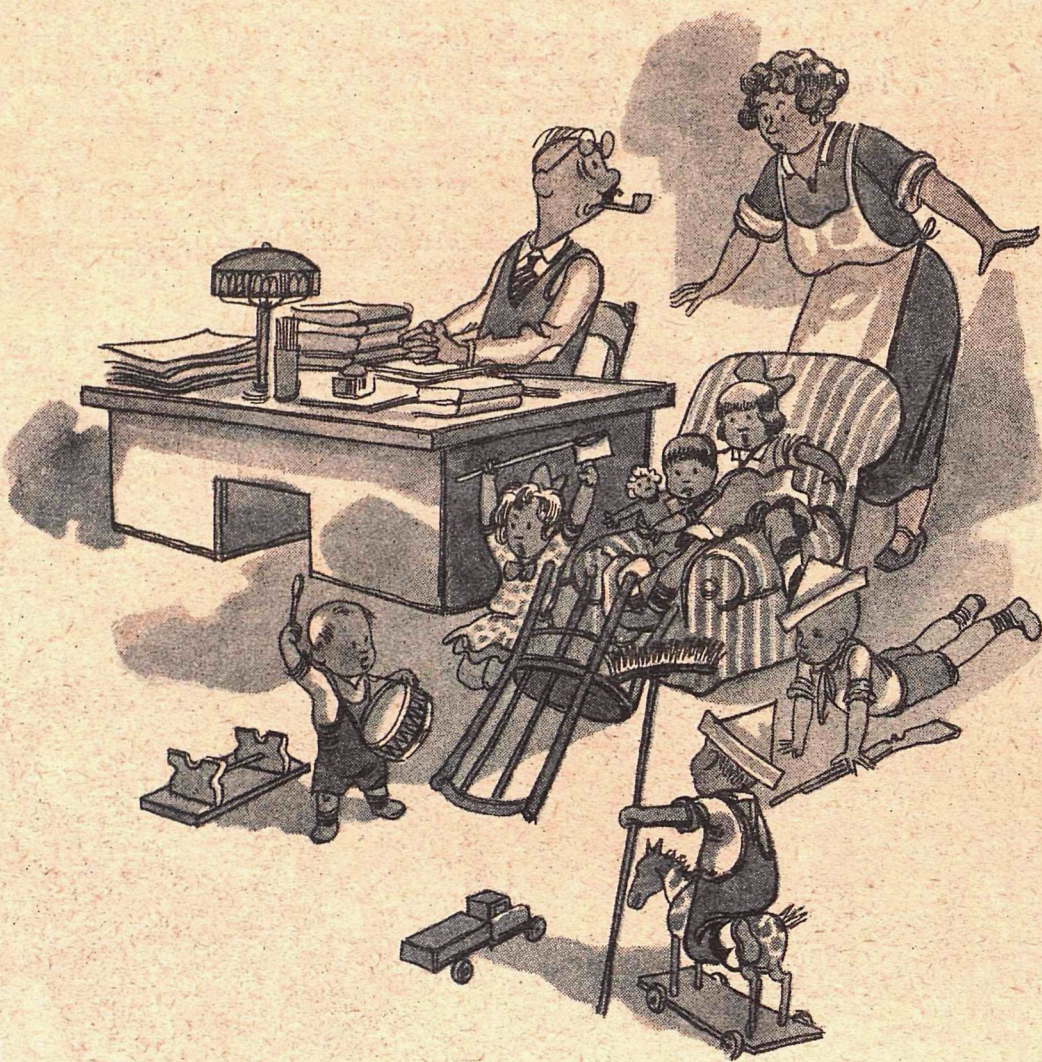

— У нас в столовой после обеда все пальчики облизывали...

— Ну еще бы. Салфеток, наверное, не подали.

МНОГОГРАННАЯ СЕМЬЯ

Рис. М. Храпковского

- Такой шум, что работать невозможно!..
— А это твои дети и мои дети играют с нашими детьми.

НОВЕЛЛЫ ИЗ ЦИКЛА „ТЫСЯЧА“

ЕГО ИНТЕРЕСУЕТ...

Осанка у него гордая, глаза зоркие. Когда сидит на стуле, то редко касается спинки стула. Он сидит, как бы ожидая кого-то. Глаза его вечно ищут, вглядываются. Особенно он подвижен и зорок в общественных местах: в клубах, ресторанах, на курортах, на собраниях. Он знает очень многих людей, а если кого не знает, то спрашивает соседей и приятелей:

— А кто этот? А с кем пришел этот?

И когда ему называют того или иного, он говорит:

— А, знаю. Два взыскания и строгий с предупреждением. А это кто?

— Это Никитин.

— А, знаю. Неужели он еще на свободе? Ведь было ж дело под Полтавой.

— Какое?

— А как же. Он был директором завода. Невыполнение плана и всякая такая штука... Серьезное дело.

Память у него богатейшая, но только на репрессии. Когда знакомится с ним, он зорко вглядывается в нового знакомого и спрашивает фамилию, где работает.

— Ваша фамилия Игнатов? Гм... Это с вами работал Иркутский?

— Какой Иркутский?

— Тот самый, который на два года. Тридцать пятая статья. С вами работал?

Новый знакомый смущается, точно уличенный в чем-то. Но он долго не останавливается на одной фамилии. У него множество знакомых. А если он не знаком лично, то все равно знает. А если не знает, то спрашивает:

— А этот кто, вот, с женщиной в зеленом?

— Это Котельников. Врач.

— Котельников? Позвольте, позвольте... 5-я амбулатория? Где был скандал?..

— Какой скандал?

— Да известная история: грязь там была, взятки какие-то, упущения... Как же он так ходит?.. Котельников?.. Ну, конечно, он самый... Что ж, одним выговором ограничился? Неужели?

Он неутомим. Глаза неустанно и зорко перебегают с одного лица на другое. Иногда он подходит к чужому столу или зовет к себе, кто помоложе:

— Простите, пожалуйста. Вот там, в углу, сидит маленький такой, с черными

усами, это не Спицын из Шелкотреста? Не знаете?

— Он самый. Спицын.

— Позвольте, так он же три года получил?.. Там же шесть тысяч метров шелка... длинная история.

— Совершенно верно, но это было четыре года тому назад. Он отбыл наказание...

— Неужели ж три года прошло? Ах, черт побери, в самом деле... Как летит время!

И, не меняя бодрой сторожевой позы на стуле, куря папиросы и попивая пиво, он с орлиной своей зоркостью смотрит на входящих, выходящих, сидящих и беседующих и вспоминает, вспоминает про репрессии и наказания. Остальные, подавляющее большинство, не имеющие никаких взысканий, его не интересуют. На них почти не останавливается его неутомимый взор.

ПРИВЫЧКА

Рот большой, глаза прищуренные, уши, плохо слышащие, и когда он говорит, — очень трудно его остановить. А говорит он анкетой. Иначе не может.

— В 25 году я окончил школу. В 26 году был мобилизован и отправлен... В 27 году по распоряжению НТУ... я был... В 28 году прибыл...

— Товарищ, да все это не имеет отношения к делу...

В самом деле, это к делу никакого отношения не имеет. Он пришел в библиотеку менять книгу, — только и всего, но библиотекарь равнодушно слушает его. Остановить все равно невозможно.

Он выступает на собрании домоуправления. Речь идет о расширении жилой площади. Опять:

— В 25 году я кончил школу. В 26 году был мобилизован районной организацией... Отправлен в распоряжение... В 27 году...

У него ревматизм. Лечится в амбулатории. Врачу приходится слышать:

— В 25 году кончил школу. В 26 году... В 27 году... В 28 году... я простудился... Переходили реку.. В 29 году...

Он знакомится с девушкой. С теми же прищуренными глазами, большим добросовестным ртом он сообщает ей несложные даты своей жизни:

— Отец мой — служащий. Мать — домашняя хозяйка. В 19 году я поступил в школу. В 25 году кончил. В 26 году был мобилизован районной организацией... В 27 году...

Девушка слушает. На 31 годе она осторожно отводит лицо в сторону, закрывает рот ладонью и вкусно зеваает. Но он не замечает этого:

— В 32 году...

Он одинок. Товарищей и знакомых у него мало. С тем большей охотой он сообщает данные о себе новым знакомым. И странно, что никто ему толком не посоветовал бросить анкетную манеру беседы. А, впрочем, может быть, и советовали...

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

У врача была собака. Он ее любил. Она съела кусок мяса... Потом врач Хавин, проживающий в г. Горьком, повел ее регистрировать в Земельно-зеленый трест при свердловском районном совете г. Горького.

Почему собак надо регистрировать вместе с левкоями и глицеринами и почему мелкая собака рассматривается на данном отрезке времени как зеленое насаждение—не так уж важно. Пусть будет насаждением. Значительно интереснее тот факт, что после регистрации доктору Хавину выдали следующий документ:

«Регистрационный билет № 2909. Июня 17, 1935 г. Фамилия, имя, отчество: Хавин, Михаил Александрович.
Адрес: Улица Свердлова, дом 50 квартира 3.

Род занятий: врач.
Название породы: шпиц.
Возраст: 7 лет.
Кличка: «Силька».
Масть: белая.
Примет: никаких.

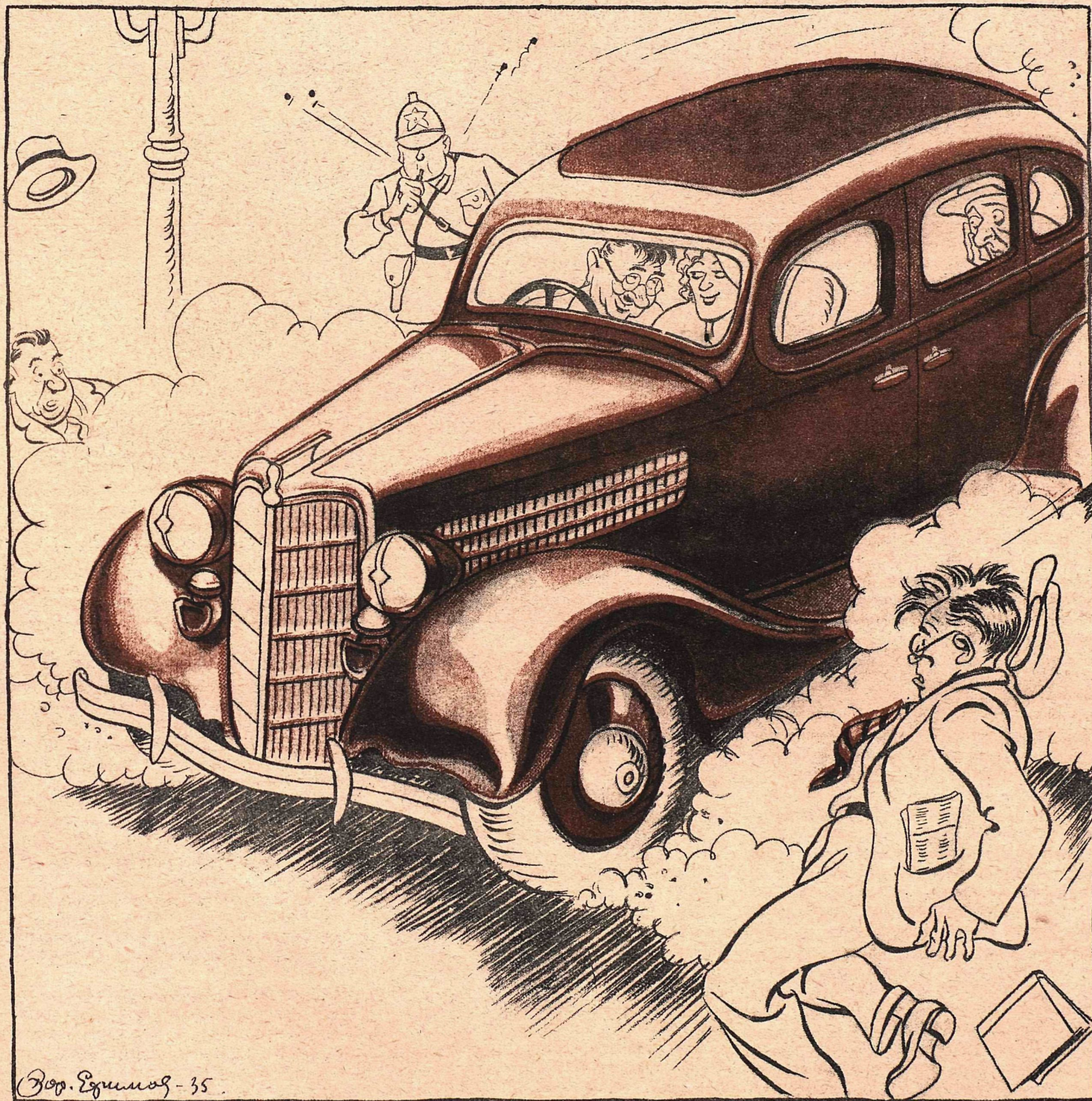
Регистрацию производил и сбор в сумме 5 руб. 50 коп. получил».

Не достаёт только, чтобы в конце документа было поставлено категорическое и деловое указание:

«Видом на жительство служить не может».

А Л Ь Т Р У И С Т

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 35

МУЖ: — Я никогда не пользуюсь казенной машиной для себя, а только для тебя, моя дорогая!

Рис. Л. Сойфертиса

— Скажите, а что осталось от этого старого монастыря?
 — Ничего, кроме библиотеки для курортников.

ИВАН ПЕТРОВИЧ

Я смотрю на вас с чувством глубокого сожаления: вы не знаете Ивана Петровича. Что же касается меня, я почти счастлив: Ивана Петровича я знаю давно. И даже могу рассказать несколько эпизодов из его яркой жизни.

В первые дни нашего знакомства он пришел ко мне в гости. Пили чай, разговаривали.

Собственно, говорил он один. Мы все слушали. Говорил Иван Петрович много, любясь своим красноречием и острословием. Он прыгал, как птичка с ветки на ветку, с одной темы на другую: с одинаковым увлечением говорил он о погоде, Керзоне, безопасных бритвах, иоркширских свиньях.

Подойдя к стене, где висела географическая карта, Иван Петрович тыкал пальцем в моря, горы, долины и реки, приговаривая:

— Здесь везде я побывал. Много я путешествовал за свою жизнь. Люблю новые места, новые впечатления.

Затем с грустью добавил:

— О чем я мечтаю? Побывать в Сибири. Как-то так сложилась моя жизнь, что ни разу не пришлось побывать в этом благодатном крае. Сибирь! Это страна больших возможностей. Там в недрах земли...

Минут пятнадцать Иван Петрович посвятил сибирским недрам, минут десять — рекам, потом перешел к озерам. Когда он приближался к Байкалу, в комнату забежала наша собачка Белка. Взглянув на нее, Иван Петрович сказал:

— Прекрасная собачка! Кстати о собаках. Попадаются среди них интересные бестии. Но я вам лучше расскажу о сибирском коте. Когда я жил в Сибири, — я там был в ссылке при старом режиме, — был у меня кот. Чем, вы думаете, отличалась эта скотинка? Каждое утро, пока я еще сплю, кот убегал в лес и приносил мне живого зайца.

Мы все выразили свое удивление.

— Такой отчаянный кот!

Иван Петрович еще более приободрился:

— Что там кот! Вот я начал говорить о собаках. Но зачем далеко ходить за примерами — был у меня, когда я жил на Севере, петух. Так он за коршунами гонялся...

Как известно, благородное искусство преувеличения особенно усвоено охотниками, рыболовами и влюбленными. Мне пришлось несколько лет работать в одном учреждении с Иваном Петровичем. И, смею вас заверить, тридцать

охотников, сорок два рыболова и шестьдесят семь влюбленных не в силах в течение високосного года наврать столько, сколько этот человек успевал за полчаса.

Ко всему он обладал замечательной чертой — отсутствием педантизма. Сегодня он вам говорил, что его одинокое, безотрадное детство протекало в глухой белорусской деревне, в семье панского батрака. Завтра он вам же поведал о том, что вырос на Волге, в семье либерала-чиновника, а мать его, с которой он порвал в двенадцать лет, — дочь вице-губернатора.

Врал он — если так можно грубо выразиться о смелых полетах неуемной фантазии Ивана Петровича — по трем основным направлениям.

1. Вранье с политическим уклоном: «Когда я служил в царской армии, мы, группа революционных солдат, постановили ликвидировать корпусного генерала. Привести приговор в исполнение должен был, конечно, я. Вот после смотра прохожу я мимо генерала, отдаю честь и незаметно для него и для всех втыкаю ему кинжал в ребро...»

2. Вранье на любовном фронте: «Приезжаю я в Сочи, в са-

ПРИВЫЧНОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Рис. Ю. Ганфа

наторий. Выхожу утром, гляжу, играют в городки. Отвратительно играют. Подхожу и говорю: «Дайте и я сыграю, но предупреждаю: игрок я неважный». Взял лапту—бац! И нет фигуры. Бац второй раз—нет фигуры. Бац третий раз—нет фигуры. Кончил я играть, подходит ко мне одна такая молодая гражданка и ласково улыбается: «Хорошо, прямо замечательно играете, разрешите познакомиться». Конечно, познакомился...»

Судя по рассказам Ивана Петровича, у него было много галантных приключений, связанных с игрою в городки. Так что один наш сослуживец имел даже намерение написать повесть из жизни Ивана Петровича под названием «Городки и годы».

3. Разное. Сюда относятся неувядаемые по силе художественного вымысла рассказы Ивана Петровича о сибирских котах, страшных петухах и о собаке, которая на лодке управляла рулем.

Не был чужд Иван Петрович и вопросов искусства и литературы. Правда, насколько мы могли убедиться впоследствии, он никогда не обременял себя чтением, но поговорить о классиках любил.

— За что я люблю Леву,—говорил он,—это за реалистический стиль.

Лев—это значит Лев Толстой. Пушкин—Сашка. Достоевский—Федя. Тургенев—Ванюша.

С корифеями литературы он обращался фамильярно. Свои люди—чего тут деремониться? Однажды он мне сказал:

— Витька здорово изображает исторические события.

— Это какой Витька? Петухов? Что в отделе рационализации?

— Да нет. Витька Гюго...

Интересовался он и вопросами медицины. У него даже была своя система в этой области. Если у кого-либо заболит бывало голова, Иван Петрович говорил:

— Поступай как я. Когда чувствую головную боль, прихожу домой и беру Гегеля. Отхвачу страниц пятьдесят—и вновь полная ясность в голове.

У нас многие не понимали этого и при головных болях продолжали лечиться не Гегелем, а пирамидоном. Что и говорить, консерватизм еще сильно мешает новым научным открытиям!..

Заведывал Иван Петрович городским отделом благоустройства. Но ему были гесны масштабы своей работы. Ему было скучно заниматься мощением улиц или древонасаждением.

Он целыми днями или рассказывал сотрудникам свои многочисленные приключения или же говорил о литературе, живописи, поэзии, Северном морском пути, перспективах развития каучуконосов, новых способах борьбы с малярией.

Он вечно носился с какими-то новыми проектами орошения Заволжья, добычи платины, лечения зубной боли, развития садоводства.

Танцы между столиками.

Иван Петрович принадлежал к тому типу работников, которые ничего не делают, но умеют красочно и ярко докладывать о задачах и перспективах того дела, которое ему поручено.

Когда на заседании городского совета заслушивался доклад отдела благоустройства, все диву давались: в городе грязно, запущено, а говорит человек, словно полмира завоевал вчера утром, а вторую половину мира собирается покорить не позднее чем завтра к обеду. Ему аплодировали и завидовали.

Иван Петрович получил даже повышение. И, подымаясь вверх, он все говорил и говорил, и фантазия его не знала ни меры, ни границ.

Я не виделся с ним несколько лет. Недавно пришлось по делам службы побывать в городе, где живет и работает Иван Петрович.

Узнаю—с Иваном Петровичем случилась оказия: он один раз в своей жизни сказал правду. Надо было составить проект новой пожарной каланчи. Иван Петрович, не говоря никому ни слова, взялся за это дело.

Через две недели он принес в комиссию проект.

Но в городе давно уже перестали верить Ивану Петровичу. Его проект от-

ложили в сторону, даже не взглянув на него.

Ему сказали тепло и ласково:

— Бросьте шутить. Мы ведь давно знаем, что вы этого... того...

— Как прикажете понимать?

— Извините за резкость, но вы любите трепаться.

Он забрал проект и ушел. Он послал его в центр. И оттуда получился ответ: проект более чем удовлетворительный.

Иван Петрович разорвал проект. И с тех пор осунулся, постарел и в конце концов отошел от всякой работы.

Иду по главной улице—и вдруг передо мной сам Иван Петрович. Разговорились.

— Что теперь намерены делать, Иван Петрович?

— Отвечу словами Коли...

— Какого Коли?

— Поэта. Коли Некрасова. «Мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв».

Мы попрощались и разошлись. Я ничего не сказал ему. Я даже не сказал ему того, что цитируемые им стихи принадлежат не Коле Некрасову, а Саше Пушкину...

Г. РЫКЛИН

Дорогой Крокодил

(П И С Ъ М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Дорогой Крокодил!

По дороге в Ижевск один мой знакомый потерял в вагоне кепку. Сейчас он живет в Ижевске и ходит по улице, прикрывшись носовым платком вместо шляпы.

В магазинах из головных уборов ему смогли предложить на выбор или рыжую папаху или изящную шапку из серого барашка. Это оказалось единственным из летнего ассортимента, имеющегося в Ижевске.

Что же делать? Неужели человеку так и придется ходить купаться в пушистой рыжей папаче?

Д. МОРОЗОВ.

Ижевск

Товарищ Крокодил!

Что делать, если одна проблема наезжает на другую?

У нас в Шамхоре так и случилось. Проблема гигиены налетела на литературную, в результате чего заведующий единственным клубом Расул Кулиев закрыл библиотеку и вместо нее открыл парикмахерскую. Попутно на дверях своей комнаты он повесил дощечку: «Кабинет директора».

Так что нам теперь осталось в качестве расширения умственного кругозора только бриться и читать эту самую дощечку.

Мне кажется, что этого несколько маловато.

К. ЕЛЧИЕВ.

Шамхор

Дорогой Крокодил!

Вчера я прочитал рассказ Чехова «Не в духе». Герой рассказа накануне проигрался в карты и, не зная, на чем выместить досаду, вспоминает, что сын вчера разбил стекло, и решает высечь проказника.

Директор Сашкинской неполной средней школы Алексинского района, Московской области, Гладкий, должно быть, решил пойти по стопам упомянутого чеховского героя.

Если ученик не дисциплинирован, Гладкий вспомина-

ет, что этот ученик несколько времени назад получил ворошиловский значок, и отнимает его.

Было уже несколько случаев конфискации ворошиловских значков. Правильна ли такая мера?

Интересно, что на недавнем совещании директоров школ Алексинского района Гладкий предлагал ввести его систему во всех школах.

Районный отдел народного образования ничего пока против системы Гладкого не предпринял.

Неужели с Гладкого, как говорится, все взятки гладки?

В. МАЛАХОВ.

Алексинский р-н,
Моск. обл.

Многоуважаемый

Крокодил!

Наш совхоз имени тов. Герейханова — плодовый гигант Дагестана. Это единственный рабочий центр в Касум-Кентском районе.

И все же уполномоченный Дагестанского совета профсоюзом по Касум-Кентскому району за 3 года ни разу не посетил наш совхоз. И теперь не желает к нам заехать.

Почему? Может, он не знает нашего адреса? Тогда очень прошу тебя, дорогой Крокодил, сообщи уполномоченному Дагестанского проф-

совета, что наш совхоз находится в 10 километрах от районного центра, на восток, по Беледжикскому шоссе.

После трехлетнего бездействия такую прогулку совершить весьма полезно, тем более что рабочком совхоза тоже ничего не делает.

Директор совхоза
А. КЛЮЧЕНКОВ.

Касум-Кент,
ДАССР

Дорогой Крокодил!

В Плодоовощном управлении крайзупу невероятно расплодились крысы.

Хочешь знать, как управление борется с этими грызунами?

Управление решило... озеленить помещение — и успокоилось.

Но не успокоились крысы, которые охотно стали грызть комнатные цветы.

Озеленение погибло, а грызуны, наоборот, расплодились.

Засилие крыс несколько не тревожит ни председателя месткома тов. Лимонова, ни управделами тов. Люцедарского.

Интересен следующий факт.

Начальник крайзупу Одинцов, делая доклад на партсобрании, вынужден был дважды прервать доклад из-за крыс, которые в это время

усиленно грызли стены и пол и заглушали слова докладчика.

Название «Плодоовощь» недостаточно конкретно определяет весь масштаб работы этого учреждения.

Правильнее было бы: «Плодокрысоовощь»...

И. ЛОГИНОВ.

Ростов на Дону

Дорогой Крокодил!

Дирекция Горьковского сельскохозяйственного института 28 июня вывесила такой приказ:

«Всем студентам Института до 30 июня сдать норму на значок ГТО 1-й ступени. В противном случае не сдавшие студенты не будут переведены на следующий курс».

Войди в наше положение: для того чтобы перейти на следующий курс, надо было в течение одного дня доплавать, добежать и доскакать все нормы.

Ничего. Прыгали и плавали. Кому же хочется оставаться на второй год из-за головоплетства дирекции?

С. ВАСИЛЬЕВ.

Горки,
БССР

Дорогой Крокодил!

Я знаю, что в Москве от больных не требуется автотранспорта, — ни речного, ни гужевого. Счастливые вы! Не так обстоит дело у нас, в Минусинске.

Ночью у меня захворал сын. Звоню в нашу «Скорую помощь», от которой живу через два квартала. Оттуда хладнокровно отвечают: «Пришлите лошадь, пошлем доктора». В три часа ночи извозчиков в Минусинске нет. По ночам конские базары — чтобы по сходной цене приобрести лошадь — гоже не функционируют.

Так и приходится безлошадному советскому работнику иногда оставаться без скорой помощи в городе Минусинске.

И. НОРИН.

Минусинск

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ВГЛЯДЫВАНИЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В Белоречке, во Дворце культуры, гастролировал коллектив передвижной оперы «Оперко-нанс». Между прочим, коллектив поставил оперу «Евгений Онегин».

Директор оперного коллектива А. Анисимов задался похвальной целью раз'яснить широким массам Белоречка социальную сущность классического наследия. И Анисимов издал либретто, в котором пишет:

«Онегин Чайковского скорей идет от Тургенева. Бесконечная лиричность, любовное проникновение в аромат помещичьей усадьбы, нежность к тургеневской девушке, любование ней, затем вглядывание в действительность, через окно усадьбы, раскрытое в запущенный сад, теряющейся в густой листве и не позволяющей за ней видеть, что бы то ни было за пределами помещичьего имения— вот по существу Евгений Онегин по Чайковскому».

Как поймет «Евгения Онегина» читатель, взглянув глазами Анисимова в действительность через окно его либретто, раскрытое в запущенный сад словесной шелухи. Никак не поймет. То есть столько же, сколько и составитель этого либретто.

ЦНИИМКР—ЦБК

Разные журналы по-разному заботятся о досуге своих читателей. Для этой цели мобилизованы викторины, ребусы, шарady и всякие головоломки. Читатель проявляет к такого рода материалам огромный интерес.

Не желая отставать от века, редакция журнала «Советское краеведение» тоже решила обслужить досуг своих читателей и предлагает им во время отпуска прочесть журнал № 11 за 1934 год. Прочесть и об'яснить, что значит:

«За лучшую работу корреспондентов ЦНИИЖИВО по договору с ЦБК выделила 1000 рублей на премирование» (стр. 20).

«Опытным пунктом работы ЦНИИМКР—ЦБК в этом направлении избран» (стр. 34).

«ПУЕГМС, НКЗ АГМИ, ОБК» (стр. 66).

«Гребнев. Организация труда в колхозно-товарных фермах МТФ, ФВМ, СТФ и ОТФ. О. Анна, Анненского района».

«30 и РЖО, 46 (2). В. Т. Л. 330. В. Ц.» (стр. 73).

Когда догадливые читатели расшифруют эти таинственные иероглифы, Крокодил от себя предлагает расшифровать и подпись, которая стоит под всем этим:

«Ответственный редактор
А. КАНЧЕЕВ».

БЕЗ СПЕШКИ

Из Тифлиса нам сообщили приятную весть: в Авлабаре, в рабочем районе Тифлиса, с населением в 140 тысяч человек, строится свой районный театр. Порадуемся вместе с авлабарцами: так приятно, когда в нашей стране создается еще один культурный очаг.

Но вот какое дело: оказывается, эту приятную новость мы могли бы узнать и 10 лет назад. Иными словами, строительство авлабарского театра начато в

Рис. Б. Клинка

Парикмахеры, которых еще можно встретить на полях.

Парикмахеры, которых гораздо труднее встретить на полях.

1925 году, но до сих пор театр готов только на 60%.

Небольшое напряжение мысли, и мы можем установить, что при таких темпах на остальные 40% потребуется еще около семи лет. Значит, в 1942 году тифлисский горсовет и Наркомпрос Грузии смогут рассылать пригласительные билеты на открытие театра.

Забавно. Хотя вполне театрально: это напоминает нам часто встречающуюся в пьесах ремарку:

«Между первым и вторым действием проходит двадцать лет». Ну, а тут до первого действия прошло десять лет и набегит еще сколько-то времени. Только и всего.

ОТВАЛИЛИ

Легкая промышленность у нас растет. Товарные фонды увеличиваются. Очевидно, по этим причинам Управление кожевенной промышленности Узбекистана решило выделить фонды для Казахстана... Впрочем, вот дословно:

Наркомвнурторг Кир. АССР
г. Фрунзе.

Для отоваривания хлопкозаготовок в III-м кв. 1935 года, согласно постановления СНК СССР за № 4380 от 16/III Наркомвнурторгом СССР выделено от Узбекской Промышленности Киргизской республике обуви на 0,1 тысяч рублей.

В целях своевременного согласования ассортимента просим срочно сообщить непосредственно Узкожобувьснабу в Ташкенте, каким организациям Вашей республики и на какие суммы Вы распределяете указанный фонд.

Начальник Кожуправления
УзНаркомместпрома (Кравченко).
Управляющий
УзКожобувьснаба (Рапопорт).

Отвалили, называется. На целых сто целковых!

Трогательно, что щедрые «отовариватели» хотят знать, каким организациям и на какие суммы распределят выделяемый ими грандиозный фонд. Очевидно, они ждут ответа в таком духе:

«Из выделенного вами фонда просим одну пару ботинок № 42 передать в колхозы (следует список 73 колхозов), а оставшиеся тапочки и ремешок завезти подательнице сего — нашей курьерше Дусе».

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

ПРОРАБ-ХУЛИГАН

Группа работниц Арсеньевской строительной конторы (Московская обл.) обратилась в Крокодил с жалобой на прораба Демущкина.

Демущкин прохода не давал работницам, врывался поздно ночью в женское общежитие, делал неоднократные попытки совершить гнусное насилие.

Над Демущкиным был устроен показательный процесс: суд приговорил его к лишению свободы на полтора года.

ПРОКУРОР-ВЕЛЬМОЖА

Прокурор Ледегского района, Северного края, Кочкин уволил секретаря прокуратуры Некрасову во время ее декретного отпуска по беременности. Уволил как прогульщицу.

ЦК союза судебных работников признал увольнение неправильным, но районные организации из сочувствия к Кочкину отказались восстановить Некрасову. Больше того: как только Некрасова устроилась на работу в земотдел, ее немедленно сняли... по приказу Кочкина.

По настоянию Крокодила, прокурор Северного края наложил на Кочкина дисциплинарное взыскание. Некрасова восстановлена на работе.

ПО ЗАСЛУГАМ

Счетовод Глинского сельсовета (БССР) Шарыхин и зав. сберегательной кассой Терещенко занимались незаконными поборами.

Народный суд по материалам Крокодила приговорил Шарыхина к 8 годам лишения свободы, а Терещенко — к 6 годам с конфискацией их имущества.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-46. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.— 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 733.

Сдача текста и рисунков 17/VI 35 г.

Подп. к печ. 3/III-35 г.

Статформат 72×108. 1/8 л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—8956

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, ул. „Правды“, 8.

Зак. № 1672

Тир. 300.000

Рис. К. Ротова

Примерная семья.

Звери на свободе.

Примечание редакции. Подписи не перепутаны.

50
 26
 1935

K.P.35